

ОЛЬГА ЧИЛИНА

Неземной
КРАСОТЫ...

Сказка-детектив

ОЛЬГА ЧИЛИНА

Неземной
КРАСОТЫ...

Сказка-детектив

BOSTON • 2021 • CHICAGO

Ольга Чилина Неземной красоты... *Сказка-детектив*

Olga Chilina Uneathly Beauty... *A Fairytale Mystery*

Copyright © 2021 by Olga Chilina

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or utilized in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by any information storage and retrieval system, without the written permission of the copyright holder.

ISBN 978-1-950319-63-3 (Paperback)

ISBN 978-1-950319-65-7 (Hardcover)

ISBN 978-1-950319-64-0 (Ebook)

ISBN 978-1-950319-66-4 (Paperback – Special Edition)

Library of Congress Control Number: 2021948593

Published by M•Graphics | Boston, MA

 www.mgraphics-books.com

 mgraphics.books@gmail.com

In collaboration with Bagriy & Company | Chicago, IL

 www.bagriycompany.com

 printbookru@gmail.com

Edited by Julia Grushko

Book Design and Layout by Yulia Tymoshenko

Cover Design by Larisa Studinskaya

Artworks by Olga Chilina

При подготовке издания использован модуль расстановки переносов русского языка batov's hyphenator™ (www.batov.ru)

Printed in the United States of America

Я искренне благодарна маме за её эмоциональную поддержку и неустанное участие в моей творческой жизни.

Ольга Чилина

«...Её нога заскользила на мокром выступе скалы. На гладкой поверхности камня отразились переливы кольчуги, металлические кольца которой защищали хрупкую, но полную отваги и решимости ведьму. В этой кольчуге она сама походила на дракона, притаившегося у входа в пещеру в каких-то ста шагах от неё.

Глория с трудом удержала равновесие. Очень медленно она приблизилась к огнедышащему зверю. Вооружённая лишь знаниями и подсказками великих предков, девушка ни на секунду не сомневалась в своём мастерстве, умении, таланте. Её сила подпитывалась могуществом самой природы!

Ещё шаг... Вдруг подлый камешек шумно вылетел из-под ступни и, преследуемый глухим эхом, застучал по скалистым стенам ущелья. Чешуйчатое чудовище наострило уши и повернуло к ведьме свою безобразную морду. Из ноздрей вырвались горячие огненные струи и обожгли нестерпимым жаром щёки девушки.

Сорвав с шеи амулет, Глория направила его сияние прямо в глаза непокорному животному. Крик боли заглушил раскат грома. Вырвавшиеся из гортани языки пламени едва не затмили блеск молнии. Закружившись на месте, дракон тщетно силился вырваться из пленивший его световой ловушки.

Ещё одна впечатляющая победа юной ведьмы, самой находчивой из всех своих предшественниц, самой бесстрашной и ловко...»

— О-ёй! — оступившись, я с плеском упала в гостеприимные объятия озера.

Вынырнув, я с досадой взмахнула рукой, заливая водой плоский камень, с которого мгновение назад выпала из царства своей буйной фантазии, такой красочной и заманчивой.

Я забралась обратно на валун и удобно уселась на нём, скрестив ноги. Убрала со лба мокрую прядь, подняла с земли карандаш и с тоской уставилась на листы бумаги, мокрые от озёрных брызг. Моя писанина казалась теперь скучной, обыденной, а самое обидное — никому не нужной... Утешала меня надежда, что вступления в известных исторических романах тоже порой погружают в сонливость. А потом эти романы тебя вдруг затягивают и держат в захватывающем напряжении до самого конца...

«Назвали меня Глорией...» — так начиналось моё вступление.

По-моему, логично, раз повествование обо мне.

«Назвали меня Глорией по желанию матери. Почему она меня так назвала, в честь кого, выяснить я не успела — она умерла сразу после моего рождения. Отца я не знала, а моя бабушка Розалия упорно избегает разговоров на эту тему...

Живём мы в лесном домике, отсчитавшем уже не один десяток лет. Бабушка Розалия говорит, что построил его некий древний старичок. Когда-то давно он приютил их под своей крышей. Бабушку и мою маму. Мама была тогда ещё совсем маленькой. Однажды старичок ушёл в лес и не вернулся. Что стало с ним — неизвестно, а мама с бабушкой так и остались жить в лесной избушке. Бабушке это было по душе, ведь её прабабка выросла в лесу, знала о нём абсолютно всё и научила всему мою бабушку. И теперь бабушка Розалия — прославленная травница. Прославленная на всё королевство. Даже на два. Ведь наш лес находится как раз между двумя королевствами. Правители королевств настолько вежливы, что уже много лет друг другу лес уступают, и никто из них не соглашается принять столь щедрый дар. Вот мы и оказались сами по себе, сами себе хозяева. Навещают нас жители обоих королевств, больше, конечно, того, что на севере, которое к нам ближе. Ходят они к бабушке сами и приводят к ней на лечение свой рогатый скот, а также любимых кошечек и собачек. Хворь всякую бабушка лечит травами, а порой одного лишь слова хватает.

Удивительно, какую силу имеет простое слово, простой разговор, главное, чтобы он был добрый и идущий от сердца. А сердце у бабушки Розалии большое и любящее. Думаю, она всё-таки переплюнула свою прабабку. Помимо обретенных от неё знаний, бабушка черпает их из книг по медицине, коими её снабжает королевский лекарь того королевства, что на севере. Когда-то при каких-то интересных обстоятельствах им удалось познакомиться, и с тех пор этот лекарь души не чаёт в моей бабушке. Хотя прежде он категорически отрицал ненаучные способы лечения больных. Благодаря их знакомству и я получаю полезные знания, заимствуя книги из той же королевской библиотеки.

Книги... это ж надо было их изобрести! Наверное, они — самое прекрасное творение человека! Есть в них что-то этакое... притягательное, интригующее. И дело даже не в содержании самой книги, а в отпечатке, накладываемом на книгу характером её автора. Книга повествует об особенностях души писателя. Кто-то пытается их скрыть, маскируясь непонятными терминами и туманными оборотами речи, и уже само это о многом говорит... Мне лично, несмотря на изобилие излишних описаний, нравятся исторические романы. Люблю историю, благодаря чему неплохо ориентируюсь в делах, творящихся в наших королевствах. В Южном, например, делами

правит король Кроник II, добродушный отец двух дочерей. Дочерей не видела, но говорят, настоящие красавицы. На самом деле очень хотелось бы взглянуть на них, ибо настоящая красота представляется мне явлением любопытным. Вот пишут в сказках „девушка неземной красоты“. Как это понимать?.. Такой красоты, какой на земле и не встретишь? Но ведь девушка земная, как же она тогда выглядит? Или, например, я — красива ли я?..»

Поставив последнюю точку в многоточии, я не удержалась и, наклонившись, посмотрела на своё отражение в озере. Может, и красивая... а вот насчёт неземной красоты не уверена. Да и насчёт просто красоты тоже есть сомнения. Бабушка говорит, что я вылитая прабабка. А прабабка моя слыла ведьмой...

Ах, забыла упомянуть! Мы все по материнской линии относимся к ведьмовскому роду, в большей или меньшей степени. Так вот моя прабабка была в большей степени ведьмой, чем, скажем, бабушка Розалия. Хорошо, что в наши времена к ведьмам относятся с уважением — уж очень мало их осталось. Я себя настоящей ведьмой пока не считаю, но если бы ведьмы являлись образцом красоты, тогда пришлось бы признать сходство с прабабкой, чтобы не мучиться вопросом о своей внешности.

«Будем считать, что я средняя красавица», — вернулась я к своему повествованию.

Писать я любила...

«Хотите верьте, хотите нет, а я ещё и стихи пишу! Пишу их за тех, у кого нет поэтического таланта, и пишу их для тех, кто стал объектом чьих-либо нежных чувств. В основном ко мне обращаются деревенские парнишки, желающие произвести впечатление на доярку или королевскую прачку. Доярки и прачки либо верят и тают от радости, что стали музой для пахаря, либо терпеливо выслушивают вирши и снисходительно дарят свою благосклонность, догадываясь, однако, о происхождении посвящённых им стихов. Да, доярки про меня тоже знают. Ведь и им иногда хочется написать любимому такое сентиментальное письмо, чтобы он воспылил к ним неземными чувствами...»

Ну вот опять это слово «неземными»!

Я прикусила карандашик и задумалась. Впервые я решила написать что-то для себя... не любовное письмо, не стих, не поэму, не песню, а просто свои мысли. Так сказать, историю своей жизни. Вряд ли это будет кому-то интересно, но вдруг я когда-нибудь прославлюсь, и мои рукописи люди с трепетом будут передавать друг другу, испытывая величайшее благоговение перед великим творцом... вернее, творцей.

Так, о чём я там писала?.. Ах да, я ж ещё о втором королевстве не рассказала.

«Северное Королевство соседствует и дружит с Южным. Только вот короля в нём нет. Бывший король умер весной, странно как-то умер. Временно делами управляет его свояк — муж сестры жены (ох, у этих королей всё так запутанно!). Почему король умер странным образом? Не знаю, у меня сложилось такое впечатление, когда королевский лекарь делился с бабушкой новостями по этому поводу, а я слушала. Недавно вернулись сыновья этого самого короля, и теперь, наверное, одного из них коронуют. Скорей всего, старшего. Как же его имя?.. Ах да! Мартин! А младшего — Седрик... или наоборот?..

Старшего я видела лишь раз. Давным-давно, когда была жутко молодой и глупой. Лет десять мне было. Он стоял на берегу этого самого озера. И, кажется, именно на этом камне. Занял моё любимое место! На этом камне мне в голову приходят самые умные мысли. А он как ни в чём не бывало удил на нём рыбу. Каково?! Плохо помню, как выглядел, но мне он уже со спины не понравился. Я шла посидеть и подумать над серьёзным жизненным вопросом: как бороться с веснушками? А как можно придумывать способы избавления от веснушек, когда он тут своей удочкой-тростинкой машет во все стороны? Я его попросила уйти. Вежливо попросила. А он сказал, что места много, и мы вдвоём вполне уместимся. Представляете, какая наглость! Это при нём рассуждать о личных проблемах?! С этим мириться я не могла и в ходе нашей с ним... э-э-э... беседы случайно толкнула его в воду. К сожалению, ему удалось ухватить меня за подол платья, и окунулись мы в озеро тогда вместе. Конечно, после такого бултыхания о рыбе можно было позабыть. Получается, эту битву я выиграла. А второй не последовало. Вскоре король Северного Королевства, Клавдий, отправил обоих сыновей за море, чтобы обучились они там наукам и разным премудростям. А то, что на скале со мной был старший сын, я узнала после от нашего друга лекаря, которого, кстати, зовут Базилем. Он пришёл на очередное чаепитие с моей бабушкой и рассказал, как старшенький пришёл насквозь мокрый и без единой рыбки, чем очень развеселил младшенького.

Ну да пусть дух леса пребудет с ними. Не о них я собиралась писать, а о себе...»

Тут я остановилась. А что я, собственно, о себе могу написать?.. Не так уж много. Даже приключений настоящих в моей жизни не было. Я про них всё больше в книжках читала да мечтала на этом камне по вечерам. Как грустно-то! Получается, до сих пор я жила переживаниями и историями других людей, тех, кто приходил ко мне с просьбой помочь сделать их жизнь романтичнее, тех, кто приходил к бабушке... А моих собственных историй нет! Какая несправедливость!

Вконец расстроившись, я подобрала исписанные странички и поплелась к нашей избушке.

Дома, как водится, сидел Базиль. Бабушка хлопотала на кухне, спеша подать дорогому гостю травяной чай и свежееиспечённые булочки. Сложив письменные принадлежности в сундучок и задвинув его под диван, я подседа к столу.

— Доброе утро, Глория, — улыбнулся мне Базиль. — Я тебе обещанную книгу принёс. Библиотекарь Шарль сначала вредничал, мол, ценная рукопись, единственная в своём роде. Но когда услышал, что для тебя, согласился. Неужели ты и этому, скажем так, почтенного возраста затворнику услугу оказала?

С этими словами Базиль протянул мне старинную рукопись лесного эльфа Кларисса. Кларисс прославился тем, что пренебрёг оседлым образом жизни своего народа и отправился на поиски приключений в далёкие края, а потом описал всё это в своей рукописи. Он был моим героем, ведь я тоже хотела отправиться куда глаза глядят... И даже решила начать собственную рукопись, как Кларисс. Разница была лишь в том, что он её начал после своих путешествий, а я — до... Но ведь главное — хоть с чего-то начать, верно?..

Базиль всё ещё ждал ответа на поставленный им вопрос. Меня опередила бабушка.

— А разве ты не слышал? Шарль больше не затворник! Его таки обаяла леди Марсель. Она к нему с давних лет пылает тайной страстью, ещё с тех времён, когда служила гувернанткой у мальчиков Клавдия... Для меня это загадка, но чужая душа — потёмки. Недавно Марсель обратилась к нашей Глории. Уж не знаю, что они там насочиняли, только скоро свадьба.

Базиль посмотрел на меня с восхищением.

— Да ничего особенного, — буркнула я, — мне даже дочитать письмо не дали. Шарль бросился мне на шею и чуть не задушил в объятиях. Оказывается, все эти годы чувства леди Марсель к нему были взаимны, но наш многоуважаемый Шарль не находил слов, чтобы самовыразиться. Обратиться же ко мне считал унижительным, ибо сам является человеком образованным, и признать, что не умеет писать романтические письма, никак не хватало духу.

— Кто бы мог подумать! — воскликнул Базиль. — А притворялся таким женоненавистником. И когда свадьба?

— Планируют в следующем месяце. Не переживайте, вам тоже приглашение пришлют, — успокоила я его, — просто Шарль собирается с мужеством сообщить вам об этом радостном событии.

— Кстати, о приглашении! — спохватился Базиль. — Я же говорил вам, что принцы наши воротились? Ну так вот, Седрик решил устроить бал в честь их приезда.

— Седрик — это младший или старший? — уточнила я.

— Младший, конечно. Старшему сейчас не до этого — уж очень его тревожит внезапная кончина отца. Помните, я говорил вам о ней? Мартин вообще был против каких-либо приёмов, ведь времени со дня смерти отца всего ничего прошло. Однако на ужин в тихом семейном кругу согласился. Позвали меня и разрешили мне кого-нибудь пригласить. Я сразу о вас подумал. Больше мне звать некого!

— Ну что ты такое говоришь! — всплеснула руками бабушка Розалия. — Куда нам с Глорией до королевского ужина! Я бы, конечно, хотела, чтобы девочка моя хотя бы на ваш дворец взглянула изнутри, да ведь ей даже надеть нечего... и манеры у неё не те.

Я недовольно наморщила нос. «Не очень-то и хотелось!»

Базиль задумчиво окинул взглядом моё старенькое платье.

— Одежда — это не проблема, а вот манеры... — его взгляд стал ещё задумчивее.

— Ах, — не выдержала я, — манеры не королевские, однако ж нож с вилкой держать умею! И платье у меня есть! Мамино! Где-то лежит, может, и найду.

— Ты бы ещё про её туфли вспомнила, которые ты подарила дочке кузнеца на свадьбу, — покачала головой бабушка.

— Так ей они нужнее были, — возразила я, и бабушка Розалия вздохнула:

— Да уж, наверное... Тебе они ещё не скоро пригодились бы.

Я подозревала, что моя бабушка, как и любая другая, лелеет надежду выдать меня замуж за достойного человека, пока я не прослыла старой девой. Жаль, что не доставлю ей такого удовольствия в ближайшем будущем. Для себя я давно решила стать вечным скитальцем, как Кларисс. Вот только надо бабушку морально к этому подготовить.

Базиль тем временем продолжал меня критично разглядывать.

— В принципе, это не столь важно, как человек одет и воспитан. Тем более что принцы побывали за морем, а вы знаете, какие там дикари живут. После них Глория покажется им воплощением изящества и утончённости. Правда, если Седрик всё же пригласит нашего соседа с дочерьми, тогда на их фоне...

— Ладно-ладно, — перебила я его, — намёк понят! Не буду показываться вашим высочествам на глаза, пока не научусь носить парчу и часами беседовать о погоде.

— Ну, в крайность впадать тоже необязательно, — рассмеялся Базиль. — Лично я вас обеих жду к себе в гости в конце недели. Отец Лоулли тоже заглянет — он только что вернулся из Брутии, и я уверен, ему будет что рассказать.

Посидев ещё полчаса, Базиль раскланялся и прогулочным шагом пошёл по лесной тропинке. Провожая его взглядом, я вслух заметила:

— Все путешествуют... Принцы вернулись из-за моря. Отец Лоулли побывал за горами. Даже Шарль сказал, что они после свадьбы отправятся в Очарованную Деревню. Бабуль, тебе не кажется, что мы с тобой засиделись на месте?

Бабушка Розалия отвлеклась от замешивания теста и удивлённо посмотрела на меня:

— А чем тебе не нравится наш лес? Можно сказать, это наше собственное королевство. Отец Лоулли расскажет нам все подробности своего странствия. Да и леди Марсель не упустит возможности потрепать языком. А если ты найдёшь приличное платье и обувь, может, я решусь-таки выпустить тебя в свет во дворец. И ты сможешь расспросить Седрика об их жизни за морем. Помнится, мальчиком он был замечательным. Таким приветливым и добрым.

Бабушка даже глаза прикрыла, предаваясь воспоминаниям.

— Славные были времена, — вздохнула она.

— А сейчас чем хуже? — спросила я.

— Да ничем. Просто вы все уже выросли. Так быстро время пролетело...

Мне так не казалось. Наоборот, время тянется невыносимо медленно! Никаких тебе из ряда вон выходящих событий, никаких приключений. Впрочем, весной произошло несколько странных происшествий. Во-первых, к нам в дом вломились разбойники и перевернули всё вверх дном. Бабушка громко возмущалась, а мне было до дрожи в коленях интересно. К сожалению, разбойников поймать не удалось. Даже следов их не нашли. Как сквозь землю провалились! У нас ничего не забрали. Что искали — загадка... Во-вторых, смерть короля всё-таки тоже выходит из ряда обычных событий. С разбойниками я зашла в тупик, а вот о короле следует поподробней разузнать у Базиля...

— ...А Мартин рос очень серьёзным, — продолжала тем временем вспоминать бабушка. — Он всегда считал себя ответственным за брата, являясь полной его противоположностью. Как печально, что их родители умерли и оставили детей сиротами.

— Дети уже взрослые, — возразила я.

— Те, кто для нас были детьми, всегда ими останутся, — улыбнулась бабушка.

Как забавно, удивилась я про себя, мы остаёмся для них детьми, а о них думаем так, словно они никогда не были маленькими. Бабушка всегда оставалась для меня бабушкой Розалией. А ведь когда-то и она была молодой со своими мечтами, стремлениями, о которых я ничего не знала.

— Бабуль! А какой ты была в молодости?

— Да почти такой же, как и ты! Веснушчатой и курносой! Правда, не до такой степени, — подмигнула она мне, — на свою прабабку ты

похожа намного больше. Глаза у тебя такие же, только синие. А у неё были зелёные... нет, скорее болотного цвета... И затягивали как болото... Они ей принесли много счастья и несчастья.

Говорила бабушка с грустинкой, мысленно уносясь в далёкое прошлое.

— В те времена ведьм не жаловали, боялись. А того, кого люди боятся, они пытаются истребить. Такова человеческая природа... Слава духу леса, ни мне, ни твоей матери не передалось ничего чересчур ведьмовского, а вот насчёт тебя я не уверена... — слегка прищурившись, она бросила на меня оценивающий взгляд, — уж очень ты напоминаешь мне мою мать... особенно когда волнуешься, — бабушка вдруг замолчала.

— А почему ты избегаешь разговоров о моей матери?

— Настанет время — поговорим, — повторила она столько раз слышанную мною фразу.

А когда настанет это время, неизвестно... Ну ничего, мне тоже есть что скрывать! Знала бы бабушка, что прабабка во мне давно начала проявляться. Правда, в мелочах, но всё же. Об этом я пока помалкивала. Вот настанет время...

* * *

Раз я приняла решение действовать, значит начинаю действовать. Разузнать подробности о смерти короля Клавдия я могла у нескольких людей. Во-первых, у Базиля. Он первым прибыл на место происшествия, и он же высказал своё мнение о причине смерти. Хотя нет, первым был не он. Кажется, Базиль упоминал Крона — тролля, работающего в деревне мясником. Я встречала его иногда. Очень неприятной внешности тролль. Никогда не улыбается, смотрит исподлобья. Впрочем, мясник и не может быть доброй сказочной феей. Я даже представить себе не могу, как можно изо дня в день убивать беспомощных зверушек. Так вот, именно Крон первым обнаружил тело короля. Хе-хе... не удивлюсь, если он и приложил к этому руку. Уж очень он подходит на роль злодея.

Так, значит, Крон — это во-вторых. А в-третьих — дворецкий... как же его имя? Очень длинное и напыщенное... что-то вроде Аполлона... или Абелона.

— Араганесес, — поправил меня Базиль. — Да, он был вторым прибывшим на место трагедии.

Я нашла Базиля на следующий день в его домике, который примыкал ко дворцу с юга и служил доктору и ночлегом, и местом работы.

Мы сидели в кабинете доктора. Посередине стоял стол, заваленный какими-то трудами по медицине, а вдоль стен выстроились книжные стеллажи с теми же трудами. Поразительно, сколько люди успели понаписать за своё существование!

— И именно он позвал вас?

— Да. Я осматривал главного повара Бивра — он пришёл ко мне с очередным расстройством желудка. Было послеобеденное время, и у него выдалась минутка забежать ко мне. Он наотрез отказывался пить рисовый отвар и просил прописать ему что-нибудь более приятное на вкус. Я дал ему на пробу ароматическую смолу корней асафетиды. Твоя бабушка, кстати, рекомендовала. Хотя я не могу полностью согласиться с ней, что...

— Базиль! — прервала я его, зная, что долгие монологи о врачевании — любимый конёк лекаря. — Так что этот Агара... Арогонос, или как там его, сказал?

— А он ничего не сказал, он лишь мычал и махал в сторону сада. Я хотел было напоить его успокоительным, но он выкрикнул, что произошло какое-то несчастье и потащил меня в сад. Там я увидел Крона, он стоял на коленях рядом с распростёртым телом Клавдия. Я даже не сразу понял, что это король... настолько неправдоподобным и диким мне это показалось.

— И что вы обнаружили?

— Как я уже и говорил, всё было очень странно. Крон утверждал, что он услышал крик. А когда через несколько секунд примчался на место, король был ещё жив, хрипел, будто бы задыхался. Я поставил диагноз — сердечный приступ, только у короля было здоровое сердце. Если упустить медицинские тонкости...

— Да, пожалуйста, — тут же отозвалась я.

— Так я считаю, что Клавдий просто задохнулся.

— Это могло быть от сердечного приступа?

— Гм-м... возможно. Это также могло произойти от быстродействующего яда... Есть такие, от которых лёгкие перестают работать.

Вот-те раз! Я даже не сразу нашла, что сказать.

— Так, по-вашему, короля кто-то отравил?!

— О нет! — тут же отмахнулся Базиль, — такое я даже на минуту не допускаю! Кому это надо?

— А это интересный вопрос... Особенно, если окажется, что Клавдий был убит!

Базиль заёрзал на стуле.

— Ладно, признаю, была у меня такая мысль. Я подумывал об укусе змеи, но в наших краях такие змеи не водятся!

— Зато они водятся у вас, — заметила я.

Базиль на минуту замер и прищурившись посмотрел на меня.

— У меня есть две змеи, и они действительно ядовитые. Два тайпана... Мне их подарил мой коллега с Острова Среднеморья. Их яд, на самом деле, способен парализовать лёгкие. Я занимался исследованием его свойств и обнаружил, что он также может быть использован для лечения многих нервных заболеваний. Я из него изготавливаю прекрасное успокоительное средство для придворных, да и для королевских особ тоже... Но обе мои змеи на месте!

— Вы это сразу проверили?

— Ну-у... — замялся Базиль, — нет конечно. Мне тогда и в голову не пришло... На следующий день я заходил в кладовую — змеи были там. Да и кто отважился бы взять змею? Человек неопытный сразу бы пал жертвой такого оружия, не успев им воспользоваться!

Это верно, мысленно согласилась я. И всё же расставаться с мыслью, что в королевстве произошло настоящее убийство, мне не хотелось.

— А сам яд, который вы используете для лекарств, где хранится?

Базиль как-то странно глянул на меня, потом вскочил и помчался в другую комнату. Это была небольшая кладовая со множеством полок, заставленных множеством склянок. Единственным источником света являлось маленькое окошко под самым потолком. В углу стояли две стеклянные ёмкости, в которых можно было разглядеть двух пресмыкающихся. В полу чернело отверстие, и винтовая лестница вела в подвальное помещение.

— Всё, что может испортиться, я храню в подвале, — объяснял Базиль мне по дороге вниз.

Засветив свечу, он показал мне ряд баночек. На каждой корявым почерком доктора были выведены названия на понятном только ему языке.

— Вот тут, — Базиль взял зеленоватую склянку и поднёс её к свету, — я и храню их яд...

Как зачарованные, мы уставились на бутылёк. Я ничего подозрительного не увидела.

— Ну? Стало его меньше? — подёргала я Базиля за рукав.

Покусав губу, Базиль поставил склянку на место и сконфуженно пожал плечами.

— Честное слово, не знаю... Я бываю порой рассеянным...

— А вы кому-нибудь о нём рассказывали? Или показывали?

— Я из своей работы тайны не делаю, — ещё больше смутился лекарь, — да и поговорить иногда хочется... Но с кем конкретно я о нём говорю, не припомню...

Н-да, похоже, толку от показаний Базиля мне будет мало.

— Ну а следы укуса на теле Клавдия были? — спросила я, не особо надеясь на удачу.

— О! Хорошо, что ты мне напомнила! Да, было что-то такое похожее на укусы змеи. Два еле заметных пятнышка на спине, только я не придавал этому значения, ибо если это была змея, она укусила бы его за ногу, ну, или за руку! А как могла она его укусить за спину?

— Может, он лёг на неё, — нерешительно предположила я.

Базиль лишь фыркнул в ответ:

— Исключено! Чтобы Клавдий лёг в саду на голую землю?! Никогда! Он мог упасть, но упасть на спину маловероятно, а ещё маловероятнее упасть на ядовитую змею в нашем королевстве. Тем более что расстояние между пятнышками было слишком велико для змеиных зубов...

— Ну тогда я не знаю, — разочарованно заявила я, — только чувствую, что дело нечисто.

Затушив свечу, Базиль стал подниматься по лестнице обратно в кладовую. Я тут же поспешила за ним, наступая ему на пятки, — очень не хотелось оставаться одной в темноте со всеми этими ядами и подозрительными микстурами.

Когда я снова очутилась в кабинете, залитом солнечным светом, у меня стало гораздо радостнее на сердце. Даже моя вера в возможное преступление перестала казаться столь непоколебимой.

— Если спросишь меня, — Базиль разлил остывший чай по чашкам, — то я считаю, даже если это и выглядит необычно... ни у кого, слышишь, *ни у кого* не было абсолютно никакого мотива убивать Клавдия. Он был славным королём, любящим отцом и мужем. Поддерживал хорошие отношения с соседями. Так что всё это — глупости. Скорей всего, действительно сердце подвело... А пятнышки на спине... должно быть, укололся о какой-нибудь куст...

— Двойной колючкой? — поддела я его.

В который раз поправив сползшие на нос очки, Базиль тяжело вздохнул:

— Если вдруг обнаружится, что короля отравили, тогда... — лекарь неожиданно запнулся.

Он быстро глянул на меня поверх очков, зачем-то переложил стопку бумаг с одного конца стола на другой, потом потёр ладонями гладкую столешницу.

— Тогда что? — не вытерпела я.

— Тогда разразится большой скандал! Полагаю, не следует ворошить произошедшее. Короля уже не вернуть...

— А если убийца бродит где-то во дворце?

Вздвигнув брови, Базиль с ужасом посмотрел на меня:

— Что ты такое говоришь?! Считаешь, его убил кто-то из подданных?

— Я ничего не считаю. Просто строю догадки.

— Хорошо хоть принцев здесь не было, когда это произошло, — пробормотал он.

— Ага, — тут же подхватила я, — тогда они оказались бы под подозрением! Ведь им это на руку? Особенно Мартину, как старшему!

— Да простят тебя духи вашего леса, — отмахнулся от меня Базиль, — думай, что говоришь. Я имел в виду, что тогда и они могли бы что-то этакое заподозрить. Им и так нелегко мириться со смертью отца, а если б они присутствовали при самой трагедии, то могли бы заметить мои сомнения. Это им точно ни к чему.

— Так они думают, что их отец умер от естественных причин?

— Ну конечно! — воскликнул Базиль, — это именно то, что я им сказал. И это именно то, что... м-м-м... я уверен, произошло на самом деле!

«Я уверен» прозвучало как-то неуверенно. Я покинула дом лекаря весьма неудовлетворённая. У меня всегда была богатая фантазия, и если Базиль не видел причин для убийства короля, я этих причин могла придумать уйму. И так просто сдаваться я не собиралась.

* * *

Второй жертвой допроса я наметила Крона. Честно говоря, его я хотела оставить на потом, но чтобы добраться до Араганесеса, мне пришлось бы проникнуть во дворец, а туда всех подряд не пускают. Можно попытаться попросить леди Марсель провести меня. Она сейчас на седьмом небе от счастья и сделает для меня что угодно. Только вряд ли Араганесес сразу разоткровенничается со мной. Ходят слухи о его чрезмерной высокомерности и чванливости. Тут нужен особый подход.

Приблизившись к скотобойне, я невольно поморщилась. Обстановка здесь глаз не радовала. Однако на помощника Крона Трота это никак не влияло. Гном сидел на большом камне у входа, щёлкал семечки и плевался шелухой в проходящую мимо гусыню. На нём болтались его вечные зелёные штанишки, которые он давно одолжил у кого-то и не вернул. Штанишки были ему велики, и гному приходилось их всё время подтягивать. Вязаная безрукавка поверх потрёпанной рубашонки тоже видала лучшие времена и давно требовала стирки. Трот не считался чистюлей. Его немытая копна жёстких волос на голове торчала во все стороны, и издали он напоминал ёжика.

— Кого я вижу! — воскликнул он, — Глория! Какое же дело привело тебя сюда? Уж не помогаешь ли ты Крону найти путь к сердцу кухарки леди Марсель?

— Ты переоцениваешь мои способности, — хмыкнула я.

Трот расхохотался.

— Что ж, это правда. Надо обладать особым талантом, чтобы женить нашего закоренелого холостяка-тролля.

— Не очень-то ты лестно отзываешься о своём хозяине, — заметила я.

— Он мне платит не за лесть, — возразил гном, — а что тебе, собственно, от него надо?

— Да так... бабушка просила говяжью вырезку раздобыть. К кому ж мне ещё обращаться, как не к Крону.

— О да, товар у нас отменный! — с гордостью заявил Трот. — Недаром сам король оказывает нам честь своими заказами... вернее, оказывал честь, — запнулся он.

— Да, — тут же подхватила я, — грустная история. А ведь Крон, насколько я знаю, присутствовал там, когда с королём случилось несчастье.

Трот насупился:

— Присутствовал, и мы, его славные помощники, имели полное право узнать обо всём из первых уст. Но он даже словом не обмолвился о том, что произошло!

Гном досадливо пнул камешек. Тот отлетел и попал в гусыню. Недовольно гоготнув, последняя заковыляла прочь.

Проследив взглядом за гусыней, я увидела Крона. Он медленно шагал к нам со стороны дворца. Тут же присмирев, Трот вскочил на ноги и принялся изображать крайнюю занятость. Бросив на него мрачный взгляд, Крон выжидающе уставился на меня. Вид у него был такой зловещий, что у меня все слова застряли в горле. Крон принадлежал к той разновидности троллей, которые поражают своей огромностью и нескладностью. Но из-за того, что он постоянно горбился и низко опускал плечи, он не казался великаном.

— Добрый день, Крон, — приветливо начала я.

— Из мяса могу предложить лишь крольчатину, — вместо приветствия бросил он, — остальное мясо уже куплено дворцом.

— Не многовато ли на один дворец? — изобразила я недовольство.

— Их высочества праздновать намерены, — буркнул тролль.

Право, он был немногословен. Что-то подсказывало мне, что от него я многого не добьюсь.

— Ну давай крольчатину, — согласилась я.

Едва кивнув, он прошествовал мимо меня на скотобойню. Помедлив, я двинулась за ним. Тошнотворный запах сырого мяса ударил мне в нос. У меня даже в глазах потемнело. Крону же всё было нипочём. Пройдя насквозь, он вышел во внутренний дворик. Там паслись несколько овец, одна корова, стояла клетка с кроликом.

Распахнув дверцу, Крон одной рукой вытащил крольчонка, а другой подхватил топор.

— Ой! — вырвалось у меня. Даже очень сильное желание распутать преступление не было настолько сильным.

Крон вопросительно приподнял лохматую бровь и выжидающе посмотрел на меня.

— Крон, — воскликнула я, — пожалуй, я его у тебя живьём куплю!

Усмехнувшись, он протянул мне крольчонка. Пообещав заплатить ему на следующий день, я схватила дрожащий пушистый комочек в руки и выбежала на улицу. Даже не простившись с Тротом, я быстро зашагала прочь.

Только после того, как я пересекла деревню и вошла в такой надёжный и родной лес, я осознала, что руки у меня дрожат сильнее крольчонка.

«Какой позор, — думала я, не сбавляя шаг, — а я ещё собиралась отправиться в кругосветное путешествие, полное опасностей и страшных чудищ, подстерегающих меня на каждом шагу. И воображала себя размахивающей мечом и поражающей всех и вся своей храбростью и непобедимостью. Что ж, продолжай мечтать дальше, дурочка!»

Усевшись под большой развесистой сосной, я посадила крольчонка к себе на колени и погладила его за ушками. Мне надо было привести свои мысли в порядок. Лучше всего у меня это получалось в двух случаях: если я сидела на своём любимом камне или когда разговаривала с Лукасом.

Лукас работал пастухом. Это было скорее его призвание, чем ремесло. Мы с ним познакомились несколько лет назад на лесной опушке. Однажды я грустила необычно долго. От нас в который раз уехал наш старый друг — бывалый моряк и капитан большого судна. Ах, сколько прекрасных вечеров я провела в его компании, сидя у очага и с замирающим сердцем слушая сказочные истории о далёких странах, которыми со мной делился Данис. Он обещал взять меня с собой, когда я подрасту... Несмотря на то что эти обещания подсластили горькую пилюлю его отъезда, я долгое время пребывала в расстройстве чувств. Чаше обычного уединялась, восстанавливая в памяти все детали услышанных мною историй. Самым тяжёлым оказалось для меня понимание того, что он на самом деле не собирался брать меня с собой; что он просто не хотел меня расстраивать ещё больше и готов был пообещать мне всё что угодно, включая золото солнечных лучей, запутавшихся в рогах северного оленя.

И вот тогда, тёплым октябрьским днём, я сидела на опушке и в который раз перебирала сокровища, подаренные мне Данисом, — самые чудные на свете ракушки и морские звёзды. Вдруг раздался треск кустов, и на опушку выскочила собака. Уткнувшись носом в землю,

она несколько раз обежала вокруг меня, а потом, задрав голову, пару раз гавкнула. Кусты затрещали вновь, и из них вышел худощавый парнишка примерно моих лет. Как сейчас помню его залатанные штаны и свободную, вероятно отцовскую, рубашу с закатанными до локтя рукавами. На голове — широкополая соломенная шляпа, а из-под неё сияли весёлые ясные глаза. Подойдя ко мне, он сел рядом. Собака тут же примостилась подле хозяина.

— Мы Улитку ищем, — ошарашил он меня первой фразой.

— Давно? — спросила я.

— С утра...

Почувствовав, что сегодняшний день не будет таким уж грустным и пустым, каким он казался мне с утра, я уже с большим интересом посмотрела на парнишку. Не знаю почему, но он напомнил мне подсолнух. Он был таким же лучистым...

Стянув шляпу, он взъерошил свои волосы, похожие на торчащие соломинки.

— Мелькает она у тебя перед глазами, и думаешь, что она и до вечера до леса не доползёт. А потом хватать — её уже нет...

— Улитки? — всё больше удивлялась я.

— Улитки, — тряхнул сеном Подсолнух, — вот ищи её свищи...

Шерстянка знает, где она, — он кивнул на собаку, — но не скажет, пока тоже по лесу не нагуляется.

Удовлетворённо твякнув, Шерстянка подтвердила слова хозяина.

— А зачем тебе улитка? — спросила я, совсем сбитая с толку.

— Пасу я её, — был ответ.

— О-о-о! — протянула я. — Так это корова?

— Коза, — поправил он. — А я — Лукас, — добавил он через минуту.

— Глория, — в свою очередь представилась я.

Лукас важно кивнул, как будто он это и так давно знал.

Чем больше мы с ним общались, тем сильнее он мне нравился. Его ответы обычно были лаконичны, но точны. Я всегда понимала, что он имел в виду, хотя со стороны могло показаться, что его слова не имеют смысла.

Однажды, когда меня в который раз охватила тоска по чему-нибудь необычному, волшебному и выходящему за рамки обыденного, я воскликнула: «Ах, Лукас! Ну почему в нашей жизни так мало чудес?!» Он удивлённо посмотрел на меня и сказал: «Я могу показать тебе чудо». У меня тогда чуть челюсть не отвисла от неожиданности. А он лишь подвёл меня к луже и ткнул в неё пальцем. «Я смотрю в лужу, а вижу тебя, себя, небо, а если повезёт, то и стаю журавлей. Разве это не чудо?» «Ты называешь чудом зеркальное отражение?» — поразила я. Лукас пожал плечами: «Мне это кажется чудом. Но, может быть, у каждого своё чудо?..»

Может быть, у каждого своё чудо... Эта фраза потом мне часто вспоминалась. В ней чувствовалась бездонная глубина... и её можно было применить не только к чуду, но и к счастью, пониманию, восприятию действительности...

Улыбнувшись нахлынувшим воспоминаниям, я сгребла крольчонка в охапку и отправилась на поиски Лукаса.

Теперь ему доверяли не одну козу, а целое стадо домашнего скота. И найти его можно было на огромном лугу, уютненько расположившемся сразу же за нашим лесом, недалеко от морского побережья. Именно в этом месте начинали расти горы, и с них постоянно дул приятный ветерок.

Лукас построил небольшой шалашик на возвышенности. Оттуда он видел всё своё стадо, а слегка повернув голову мог наслаждаться красотой морской глади. На мой взгляд, это был самый прекрасный кусочек нашего мира. Ну или хотя бы того мира, который я знала.

Через четверть часа я уже поднималась к шалашу. Лукас сидел у входа в шалаш и играл на губной гармошке. Он собирался обедать: рядом с ним стоял кувшин молока, горшочек с мёдом, лежал ломоть хлеба. Не отрывая губ от гармошки, Лукас приветливо кивнул мне. Доиграв очередную мелодию, он отложил любимый музыкальный инструмент, отломил кусок хлеба и молча протянул мне. Он никогда не отличался многословием, позволяя мне восполнять этот пробел с лихвой. Иногда мы просто сидели молча и смотрели то на горы, то на море. В такие моменты речи были излишни. Но не в этот раз. Мне нужно было выговориться. Лукас это сразу понял. Протянув мне кружку с молоком и тем самым исполнив хозяйский долг, он взглядом указал на кролика.

— Я кроликов не пасу, — заявил он категорично, — они слишком маленькие — за ними не углядишь.

— Ой, нет, — тут же успокоила я его, — я этого кролика от Крона спасла.

— Мясника? — уточнил Лукас. — Всех от него не спасёшь, да и не надо.

— Да понимаю я! Какая разница, умереть от топора или от волчьих зубов? Только волки убивают, когда голодны.

— А Крон убивает, когда люди голодны, — резонно заметил Лукас, — так что, можно сказать, он оказывает услугу.

— Интересно, а человека он смог бы убить?.. — задумчиво произнесла я.

— Наверное, смог бы, но вряд ли ему это надо.

— Убивать кроликов ему лично тоже не надо, но если это надо кому-то другому, и этот другой готов заплатить... — я сама ужаснулась сказанному.

Привычным жестом взъерошив волосы, Лукас рассеянно посмотрел на меня.

— Он не стал бы этого делать. Это подло.

Какая наивность, подумала я.

— Крон и не похож на благородного рыцаря.

Лукас покачал головой.

— Он Шерстянку однажды спас. Она попала в волчий капкан, а он её вытащил и мне принёс.

— Это когда она потом долго хромала? А ты мне ничего не рассказал!

Лукас пожал плечами. Он мне мало что рассказывал. В основном это я болтала без умолку.

Н-да... выходит, злой тролль не был столь злым. А жаль... так не хотелось расставаться с идеей, что это он убил короля по чьей-то высокооплачиваемой просьбе.

Повиливая хвостом, к нам подбежала Шерстянка — наверное, услышала своё имя. Лукас ласково погладил её и отдал ей остатки хлеба.

Так мы и сидели втроём, окружённые лесом, горами и морем, и казалось, что разговоры об убийстве здесь неуместны... Я больше о нём и не говорила — не хотелось разрушать царящие вокруг покой и миротворение.

* * *

У вас бывало когда-нибудь чувство, что вы смотрите на что-то и понимаете, что вы это уже когда-то видели? Наверняка бывало! Вот и со мной произошло нечто подобное, когда я вечером пришла на своё любимое озеро, чтобы написать ещё пару страничек своих мемуаров.

Я сразу поняла, что передо мной Мартин, возможно, потому что он стоял ко мне спиной, как тогда, много лет назад, на том же месте и в той же позе, только без удочки. Я настолько оторопела, что не сразу сообразила, что передо мной будущий король Северного Королевства.

— Кто бы мог подумать! Мы встретились вновь! — воскликнула я.

Мартин резко обернулся. Если б я его увидела не со спины, то в жизни бы не узнала. Ничего общего с тем мальчишкой, которую я столкнула в воду в тот памятный день! Разве что сохранилась та же уверенность во взгляде. Его лицо было очень даже приятным и мужественным. Он чем-то напомнил мне героя одной из моих любимых книг, укротителя диких мустангов. Правда, в книге

не давалось описания, но я его представляла именно таким: загорелым под южным солнцем, с тёмными, слегка выгоревшими на солнце волосами. Только вот глаза у того героя должны были быть карими, а у Мартина они были... гм-м... я не сразу определила их цвет. Сначала я решила, что они тоже карие, но когда он немного повернул голову, в них сверкнула бирюза озера...

Наверное, невежливо было вот так откровенно пялиться на человека. Но меня извиняло то, что и он не пожалел времени, чтобы окинуть противника долгим внимательным взглядом.

«Изучи врага своего, прежде чем объявить атаку». Так, кажется, гласил один из постулатов в военном справочнике, который мне однажды по ошибке принёс Базиль из королевской библиотеки. Только вот изучать снизу вверх было неудобно, а подниматься к принцу на камень я не решилась — не хотелось закончить наше вторичное знакомство в том же озере. Словно прочитав мои мысли, Мартин легко спрыгнул вниз, но оказался, к сожалению, на голову выше меня, поэтому моё положение ненамного улучшилось.

— Вот уж не думал, что озёрная нимфа всё ещё обитает в этих краях, — усмехнулся он.

— Здесь обитают не только нимфы, — лучезарно улыбнулась я ему, — но и ведьмы. А также водяные, древесные феи и лешие. Так что я бы на вашем месте не засиживалась тут после заката.

— Уж не ведьмовский ли шабаш устраивается здесь по ночам?

— Каждое полнолуние!

Тут я почти не врал. Конечно, это был не шабаш, а простые посиделки лесных жителей. Однако порой они решались на такие дикие выходы, на которые, может, и не всякая ведьма отважилась бы.

— Значит, вы помните меня? Какая честь!

— Меня не так часто сталкивали в воду представительницы прекрасного пола, — галантно заметил он, — такое я не скоро забуду.

— Надо полагать, вам понравилась водичка в озере, раз вы осмелились вернуться.

Он задумчиво смотрел на меня.

— Я шёл к морю, сюда свернул случайно... Интересно пройтись по местам своего детства.

— Если пойдёте вдоль реки, к морю и выйдете.

— Благодарю, с географией родного края я знаком. А вот с тобой мы так и не познакомились.

— Ну почему же, — возразила я, — познакомились и весьма своеобразно. Если б мы жили на Острове Грёз, то нас бы считали лучшими друзьями. У них именно так заверяют в верной дружбе.

— А ты откуда знаешь? — недоверчиво спросил Мартин.

— Кларисс об этом писал...

— Ах, эльф-путешественник, — тут же отреагировал он и посмотрел на меня с большим интересом, — вот уж не знал, что его рукописи стали доступны широким слоям населения. Я думал, в королевстве существует только одна такая, и ею очень дорожит наш библиотекарь.

— Так Шарль и дал её мне, — выпалила я и тут же прикусила язык. Ну вот взяла и заложила библиотекаря.

— Любопытно... Ты с ним знакома?

— Ну-у, — постаралась оправдаться я, — королевство у вас небольшое — почти все друг друга знают. Я и с библиотекарем Южного Королевства знакома...

— Да я не возражаю, только считал Шарля замкнутым и немного помешанным на порядке. Даже мне не всегда удавалось выпросить у него старинные рукописи.

— Что ж, Ваше Высочество, не у всех получается вызывать к себе расположение других.

— Неужели ты этим искусством владеешь настолько хорошо? — улыбнулся он.

— Я пока что на пути к своему совершенству, — изобразила я самую скромность.

Мой ответ рассмешил его.

— «А путь был долгим и тернистым», — процитировал он Кларисса, когда тот описывал своё путешествие в самую чащу Цуренской тундры. До неё было много дней пути от наших королевств.

Я тоже рассмеялась.

— Во всяком случае будет чем заняться в ближайшие пятьдесят лет!

— Откуда ты знаешь, кто я такой? — спросил Мартин. — Мы виделись лишь раз.

— Простому люду положено знать своих правителей. Впрочем, как жительница этого леса, я не принадлежу к числу ваших подданных.

— Так ты внучка знахарки Розалии? — догадался принц. — Базиль говорил как-то о тебе... Он вроде бы собирался пригласить вас к нам на обед.

— Собирался, — подтвердила я, — к сожалению, у нас с бабушкой очень напряжённое расписание в этом месяце. Так что оказать вам честь своим присутствием мы не сможем, — прискорбно закончила я.

— Действительно жаль. Мне бы хотелось повидать твою бабушку. Я её хорошо помню — она часто приходила к нам, когда мы с Седриком были маленькие, приносила лечебные травяные сборы и спорила с Базилем о том, что лучше помогает от бронхита.

— Ха-ха, а они до сих пор об этом спорят. Иногда бывает забавно их послушать. Однажды Базиль целую неделю не приходил к нам, когда бабушка Розалия заявила, что болотный нарцисс — единственное действующее средство против бородавок, а Базиль с пеной у рта

доказывал, что этим единственным средством является каландус визавий, или что-то в этом роде. Потом оказалось, что они говорили об одном и том же растении, только бабушка использовала простонародное название, а Базиль — название из медицинского справочника.

— Да, я заметил, что Базиль — любитель употреблять словечки гренальского происхождения.

Греналь была когда-то страной на Южном побережье Гренальского моря. Её давно уже нет, а вот море и язык остались. Правда, язык использовался в основном в медицине и кулинарии, ибо большая часть рецептов пришла к нам именно из Гренали.

Начинало темнеть, и я посоветовала Мартину не задерживаться в лесу.

— Если хочешь понаблюдать морской закат, сейчас самое время идти к морю, — сказала я ему уже совсем по-свойски, — только обратно идти лесом не советую.

— Неужели и вправду тут водятся лесные духи и прочие? — весело подмигнул он.

— Несомненно, — вполне серьёзно ответила я. — Опасаться их не стоит, а вот ноги в темноте переломать — проще некуда. Если пройти вдоль побережья в сторону гор, там будет тропинка, ведущая вверх. Ориентируйся на маленький шалашик на самой верхушке холма. Когда заберёшься на холм, увидишь пастбище. Справа будет лес, слева — горы. А вдоль леса бежит чуть заметная дорожка. По ней можно обогнуть лес и выйти к деревне.

— Благодарю, — сказал Мартин, слегка поклонившись. — А чей там шалаш?

— Лукаса, пастуха. Но его, наверное, уже не будет к тому времени.

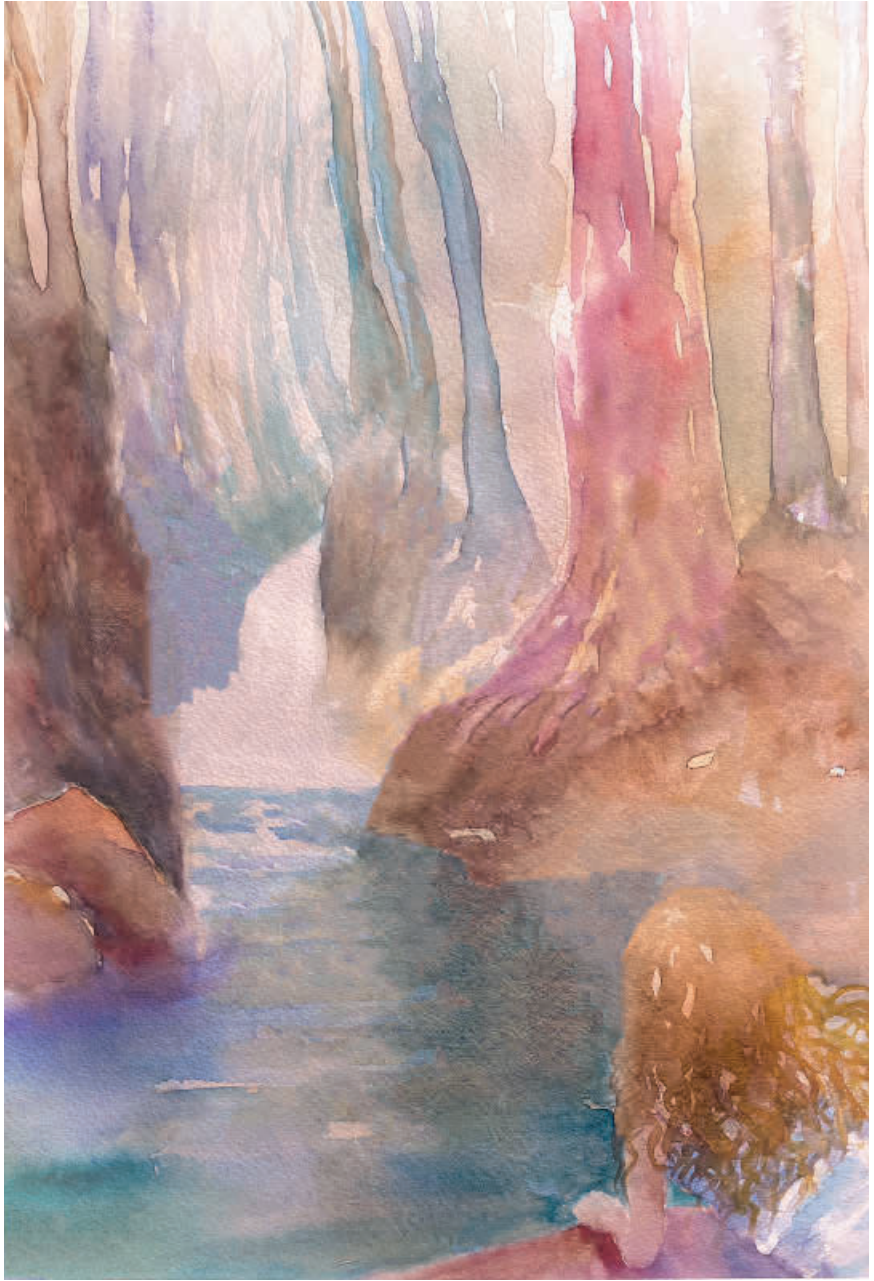
Кивнув, принц пошёл в сторону моря. Он почти уже исчез за деревьями, как вдруг обернулся и крикнул мне:

— Тебя ведь Глорией зовут?

— Глорией.

Прощально махнув рукой, он растворился в надвигающихся сумерках.

Ещё немного постояв и посмотрев ему вслед, я присела на камень у озера. Стоял тёплый вечер, пропитанный летними ароматами. Я с улыбкой огляделась. Как всё-таки красиво у нас в лесу! Окрашенные закатным солнцем облака мягко отражались в переливающейся воде озера. Оно было глубоким, чистым и прозрачным. Его образовывала река под названием Серна. Река спускалась с самых высоких горных вершин и водопадом стекала в ста шагах от меня. Погостив в озере, река уже менее бурным потоком направляла своё русло дальше и вливалась в Гренальское море.

Я легла животом на камень и, положив голову на скрещённые руки, стала смотреть на воду. Она потемнела, и всё же в глубине можно было различить колыхающиеся водоросли и стайки серебристых рыбёшек. Мне так захотелось нырнуть туда к ним... Оглядевшись и убедившись, что никого из настоящих нимф ещё не видать, я скинула одежду и с шумом бултыхнулась в озеро.

Ах, нет ничего приятнее, чем нагретая за день под лучами жаркого солнца вода. Единственный недостаток — это то, что в сумерках мало что можно в ней разглядеть. Если нырнуть днём, доплыть до дна и попытаться на нём удержаться, то можно увидеть, как лучи солнца разрезают толщу воды, касаясь самого дна, ощупывая каждую песчаную волну, целуя каждую рыбку. А сейчас в воде сгущалась тьма, лишь по памяти я восстанавливала песчаный рельеф дна. У водопада дно выстелено мелкой галькой, и можно было встать на камни и подставить себя потоку падающей воды. А потом опять нырнуть и, сделав дугу, выплыть у огромного дуба. От него вверх вела тропинка до того места, где рождался водопад. Поднявшись, я часто вставала у обрыва и, разбросав руки в стороны, позволяла ветру высушить себя. В такие минуты я чувствовала себя самой счастливой на свете.

Когда, высохнув, я спустилась обратно к берегу озера, совсем стемнело. Подобрал свою нетронутую рукопись, я отправилась домой...

* * *

«Что ж, — подвела я итог прошедшего дня, — пользы от меня сегодня не было, но и вреда я вроде никому не принесла. Это уже радует...»

Я лежала на чердаке и сквозь большое слуховое окно смотрела на звёздное небо и лениво плывущую по нему луну. Летом я всегда спала на чердаке. Тут я не мешала бабушке своим беспорядком. Жалко, что зимой тепло от печи сюда совсем не доходило, и можно было запросто замёрзнуть, даже укутавшись в самое тёплое одеяло. Поэтому зимой мы с бабушкой вместе делили одну большую комнату внизу, где находилась спасительная печь. А летом чердак становился моим маленьким царством. Места тут было много. У окна стояла низкая кровать, а около неё — ветхая табуретка, на которую я ставила масляную лампу. Я часто читала в кровати допоздна, поэтому свет мне был необходим. Вот и на этот раз фитилёк лампы слегка подрагивал, пуская замысловатые тени в пляс вдоль дощатых стен. Ночной свежий ветер свободно гулял по чердаку, заставляя листы на моей подушке взволнованно приподниматься.

Я решила-таки отметить карандашом на бумаге, расчертив лист на три колонки: «факты», «подозреваемые» и «что делать». В первую я почти ничего не записала, кроме смерти короля и наличия яда у Базиля, ну и того, конечно, что первым обнаружил умирающего Крон. Под подозреваемыми у меня на первом месте значился Крон, а потом Араганесес, что очень сомнительно, но исключать его нельзя — он мог убить короля, спрятаться поблизости, а потом выйти и изобразить ужас. Немного подумав, я вписала ещё и Мартина. И поставила большой вопросительный знак. Не похож он на убийцу, но кто его знает... Читала я однажды рассказ о короле какой-то далёкой страны. Чтобы завладеть тронem, он сначала столкнулся с обрывом своего дядю, дабы на престол сел его отец, а потом и отца родного отравил. Конечно, Мартина не было в то время в королевстве, но ведь он мог кого-нибудь подослать. Тут постоянно крутятся подозрительные торговцы именно из тех заморских стран, где принцы проходили обучение. Правда, есть ещё Седрик, но ему это совсем не было на руку. Разве что он собирается и брата отправить на тот свет. По-моему, это слишком сложно... Впрочем, не сложнее, чем в том же рассказе о короле-убийце...

Покусав кончик карандаша, я недовольно глянула на третью колонку.

«Найти подход к Крону.

Поговорить с Араганесесом и прочими обитателями дворца».

Последний пункт казался мне невыполнимым. Конечно, можно было бы всё-таки принять приглашение на дворцовый ужин и под видом светской беседы осуществить задуманное. Но даже если я надену мамино платье и раздобуду приличные туфли, я буду смотреться, как деревенщина, по сравнению с дочерьми нашего соседа-короля. Нет, лучше я начну пока с Крона, а там видно будет.

Вздыхнув, я потушила лампу и мгновенно уснула.

* * *

Этой ночью мне снился необычный сон. Я словно проснулась. В окно светила луна, и развесистые сосны отбрасывали причудливые тени на стены чердака. Со стороны моря слышался шум волн и тут же сливался с привычным ночным концертом леса: трелью сверчков, уханьем сов, кваканьем лягушек и тысячами других звуков, порою совсем не различимых.

И вдруг во всей этой мешанине лесной музыки я расслышала своё имя. Кто-то звал меня издали, и в то же время казалось, что этот кто-то совсем рядом.

Я соскочила с кровати и на цыпочках спустилась в кухню. Бабушка Розалия мирно посапывала на диванчике у кухонного окна. Огонь в очаге почти погас, лишь несколько угольков всё ещё боролись с темнотой. Как можно бесшумнее я выскользнула на залитое лунной крыльцо и прислушалась.

— Гло-о-ория, — звал женский голос из хилой постройки, служащей нам сараем. Бабушка держит там всё, что не используется ею каждый день или не используется вообще.

Зайдя внутрь, я буквально ослепла — так темно там было. Потом, попривыкнув, поняла, что хоть и темно, но не настолько — в потолке и стенах виднелись трещины, и сквозь них с усилием пробивался лунный свет.

— Гло-о-ория, — раздалось из самого дальнего угла. Там бабушка хранит самые ненужные вещи. Они либо были таковыми, либо получили этот статус после безуспешных попыток бабушки до них добраться. Однако сейчас сарай пустовал, и только в углу стояло нечто большое и плоское, прислонённое к стене, похожее на картину.

Подойдя ближе, я сдёрнула тряпку, прикрывавшую это нечто, и поняла, что передо мной огромное старинное зеркало, облачённое в роскошную раму. Из зеркала на меня смотрело моё отражение и загадочно улыбалось.

— Гло-о-ория, — уже совсем тихо прошептало моё отражение и звонко рассмеялось. И только тогда я поняла, что это вовсе не я. С минуту мы молча друг друга разглядывали.

— Розалия права, ты действительно на меня похожа, — сказало отражение, — но, к сожалению, только внешне. До настоящей ведьмы тебе ещё далеко...

Упёршись ладонями в зеркало, моя копия вплотную приблизилась к его границе. В зелёных глазах вспыхнули огоньки — верный признак принадлежности к ведьмовскому роду. Кончиками пальцев я дотронулась до её ладоней, но почувствовала лишь холод стекла.

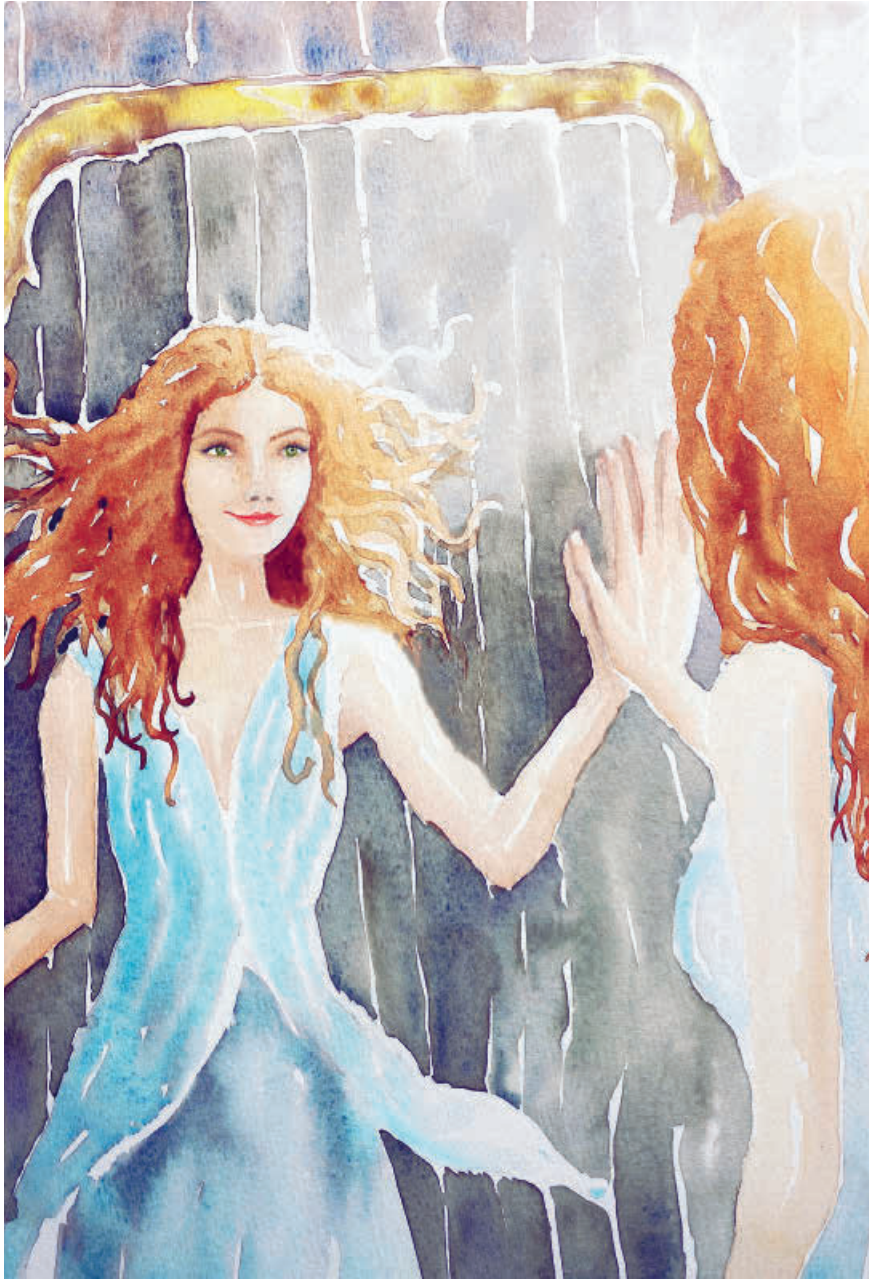
— Увы, Глория, коснуться по-настоящему я тебя не могу, но зато смогу помочь советом, — улыбнувшись, она оттолкнулась от зеркала и сделала несколько шагов назад. — Ну, дорогая, ты уже догадалась, кто перед тобой?

— Это нетрудно, — кивнула я, — ты моя прабабка, Ефросия.

— Прабабка! Какое неподходящее определение! Разве я похожа на старуху?!

Покружившись по ту сторону зеркала, Ефросия присела в изящном реверансе.

— Если бы Розалия в своё время послушала меня и хоть чуточку проявила усердие, чтобы стать ведьмой, то и она не собирала бы

седые волосы в пучок каждое утро. Но, увы, не каждый способен оценить сей дар.

— По-моему, бабушка вполне довольна своей жизнью, — возразила я.

— Не спорю, — мой двойник напротив, пританцовывая, опять подошёл вплотную к зеркалу. — Розалия никогда не требовала многого от жизни. Она счастлива от огня в очаге, от вида бабочки, порхающей над цветком. При этом она никогда не хотела быть ни огнём, ни бабочкой! Такой же была и её дочь Эллона. Но ты — другое дело! Из тебя может выйти толк.

— Я пыталась завораживать взглядом, но, по-моему, не очень удачно, — грустно призналась я.

— Всею своё время, дитя моё, — зеркало на секунду помутнело, и я уже смотрела на своё родное отражение, только в глазах оставался тот же огонёк... Огонёк всё разгорался и разгорался и вдруг, вспыхнув, ослепил меня, и я проснулась. В лицо мне светило яркое утреннее солнце.

Сев в кровати, я сладко потянулась. Меня внезапно охватило неудержимое желание сделать что-нибудь безумно дерзкое. Вот только что?

Коснувшись босыми ногами холодной половицы, я приятно поёжилась. Наскоро одевшись и кое-как уложив волосы, я буквально слетела с лестницы вниз.

На столе уже высилась гора булочек с корицей по соседству с кувшином молока. Пожелав бабушке доброго утра и чмокнув её в щёку, я схватила пару булочек и выскочила из дома. Солнце ещё не успело прогреть воздух, и в лесу царила бодрящая прохлада. Меня всю так и распирало от неопределённых чувств и эмоций. Держать всё в себе долго я не могла. А так как делилась своими личными переживаниями я лишь с одним человеком, я галопом помчалась на пастбище.

Лукас с Шерстянкой были на своём посту. Угостив их булочками, я расположилась рядом.

— Лукас, я решила стать ведьмой! — выпалила я и уставилась на него в ожидании реакции.

Пожёвывая травинку, Лукас бросил на меня полусонный взгляд. Немного подумав, он многозначительно произнёс:

— Не понимаю, как корова может стать коровой?..

Обычно я сразу улавливаю смысл сказанного Лукасом, но на этот раз он меня озадачил.

— При чём тут коровы? — удивилась я.

— Ну так корова, даже если она очень захочет, стать снова коровой не сможет, да и не нужно ей это... — заметив, что я всё ещё

с недоумением смотрю на него, он пояснил: — Ты же и так ведьма, зачем тебе ею становиться?

— Это что же, я тебе корову напоминаю?! — возмущённо воскликнула я.

— С ними, как и с тобой, я провожу много времени, — просто сказал он.

— Ну ладно, — буркнула я, — а с чего ты взял, что я ведьма? Я об этом никому не говорила.

— Так видно же! Когда ты волнуешься, у тебя глаза горят, как у кошки.

Вот-те раз, подумала я. Сама я за собой такого не замечала, и никто мне об этом не говорил. Даже бабушка! А уж она-то должна была знать!

— Ну значит, я решила стать ещё ведьмистее, — упрямо заявила я, пытаюсь скрыть свою неосведомлённость, и, немного помолчав, тихо спросила: — Тебя это не смущает?

В ответ — лишь лёгкое пожатие плечами. Тут в глазах Лукаса мелькнуло нечто вроде интереса:

— А превратить меня в голубя сможешь?

— Почему именно в голубя?

— Я бы тогда пролетел над деревней, над нашей с матерью избушкой, глянул бы на всех с высоты... Мы, наверное, смешные такие, когда маленькие...

С минуту мы сидели молча — каждый думал о своём.

— Лукас, — наконец сказала я торжественно, — если я стану настоящей ведьмой, то обязательно превращу тебя в голубя! Только потом превращу обратно, потому что с голубем мне будет не так интересно общаться.

Удовлетворённо кивнув, Лукас выплюнул травинку и принялся за принесённую мной булочку.

Итак, я приняла безумное решение стать ведьмой подобно прабабке Ефросии. Только легче от этого не стало. Мне необходимо было что-то предпринять в этом направлении, а лучше сразу в двух направлениях, ведь об убийстве короля тоже нельзя забывать — не привыкла я бросать дела на полдороге. А что если совместить эти два дела? Можно, например, пойти к Крону, заморозить его и выпытать всё, что тому известно. Я не сомневалась — он что-то знает. Он пришёл в тот сад с какой-то целью и оказался возле умирающего короля. Вряд ли это совпадение.

К сожалению, быть уверенной в успехе своей задумки я не могла. Попытки ворожбы до сих пор мне не удавались.

Первый раз я испытала свой ведьмовский глаз на кузнеце. Повёл он себя очень странно: умчался в кузницу, сплавил все имеющиеся в наличии подковки в форме лошади и водрузил сие произведение

искусства прямо на цветочную клумбу своей жены, чем вызвал оправданное недовольство последней.

Вторую попытку я предприняла, когда узнала, что в королевской библиотеке есть старинная рукопись Кларисса. Встретив как-то Шарля по дороге к домику Базиля, я постаралась взглядом убедить его в том, что если он одолжит мне эту рукопись, то совершит этим самым доброе дело. Однако вместо этого Шарль подбежал к дворцовому фонтану и плюхнулся в самый его центр, обдав холодной водой проходивших мимо придворных. Потом, сгорая от стыда за свою выходку, он несколько дней отсиживался в библиотеке. Чувствуя себя виноватой, я через Базиля передавала ему свежие лесные ягоды и орехи. А когда недавно леди Марсель попросила меня написать ему сердечное письмо, я действительно вложила в него душу. Хотя мне до сих пор кажется, что даже если бы я просто сделала выписку из медицинского справочника об особенностях человеческого сердца, эффект был бы тот же. В конечном счёте своего я добилась, и Шарль передал-таки мне заветную рукопись. Так что совсем неудачной эту попытку не назовёшь.

Последнее поползновение я совершила, когда потерпела крупную профессиональную неудачу. Однажды один из пахарей, безумно влюбившийся в служанку леди Марсель, попросил меня помочь ему завоевать сердце возлюбленной. Как я намучилась тогда! Никакие стихи, никакие серенады не помогли, а ведь пахарь обладал просто изумительным слухом и голосом. Я сама почти влюбилась в него, а эта барышня — ни в какую! И вот во время одного деревенского праздника я вперила в неё свой взгляд, вложив в него всю наличествующую у меня ведьмовскую силу. Результат был ужасен. Глупо хихикнув, девица забралась на деревянную сцену, приготовленную для конкурса самодеятельности, и в полный голос исполнила песню, которую пахари готовили специально для этого конкурса. После этого события влюблённый пахарь категорически заявил, что жениться на особе, способной на такую фальшь, он не будет. Я, в свою очередь, категорически отказалась обвораживать кого-либо ещё. Но после сегодняшнего сна, вдохновлённая прабабкой, я подумала, что теперь у меня может получиться что-то дельное. В этом случае я смогу вычеркнуть один пункт из своего списка «что делать». А вот что касается других пунктов... тут дело могло зайти в тупик.

Когда в своих раздумьях я дошла до этой мысли, играющий на гармошке Лукас отнял её от губ и гордо заявил:

— А я завтра попробую настоящий королевский пудинг!

Безрезультатно попытавшись уловить связь между пудингом и нашим с ним предыдущим разговором, я вопросительно глянула на него.

— Ты тоже можешь, — обрадовал он меня.

— Что могу? Попробовать пудинг? — уточнила я.

Лукас кивнул.

— Завтра во дворце ужин. Мама будет там прислуживать, и за это повар обещал ей большой кусок пудинга.

— О-о-о, — протянула я, — так ужин уже завтра! И твоя мама там будет? Интересненько...

Различные идеи вихрем пронеслись в моей голове. Может, это он и есть, тот шанс попасть внутрь дворца!

— А ты не знаешь, им ещё помощники нужны?

Лукас пожал плечами.

— Я знаю, что мать не хочет идти. Её подруга пригласила на именины своей внучки. И тоже завтра вечером. Маму только пудингом и смогли во дворец заманить.

Мать Лукаса всю свою жизнь проработала служанкой у одного из местных лордов. Когда лорд вдруг ни с того ни с сего решил стать отшельником и уйти в горы, он распустил всех слуг, оставив им пожизненное жалование. Так что мама Лукаса теперь занималась своим домом и огородом и иногда ходила прислуживать во дворец. Особенно в ней там не нуждались, разве что когда намечалось какое-нибудь великосветское событие.

— А что если твоя мама пойдёт к подруге, а я заменю её во дворце? — спросила я, но заметив, что Лукас начинает морщить нос, тут же добавила: — И принесу тебе большой кусок пудинга!

— Дело не в этом, — он покачал головой. — Чтобы прислуживать за столом, нужно умение.

Я презрительно фыркнула:

— Это же не кораблём управлять! Чему там долго учиться? Зайду сегодня к вам вечером, и твоя мама меня всему научит. В общем, до вечера!

Хлопнув его по плечу, я быстро сорвалась с места и помчалась в сторону деревни. На полпути я обернулась.

— Будь добр, расспроси в деревне об Араганесесе! — крикнула я ему.

— О дворецком? — прокричал мне в ответ Лукас.

— Именно! — и я побежала дальше.

У Лукаса было замечательное качество ненавязчиво расспрашивать людей о чём угодно с этакой ленцой в голосе, и люди, с естественным желанием заинтересовать собеседника, всё ему выкладывали как на духу. Я ничуть не сомневалась, что к вечеру он хоть что-нибудь да разузнает.

Остановившись недалеко от лавки мясника, я перевела дух. Мне не хотелось заходить внутрь, но любопытство одержало верх.

В лавке одиноко горела свеча, почти её не освещая. К счастью, воздух здесь был не настолько пропитан отвратительным зловонием, как на скотобойне. Открытая дверь за прилавком вела в другую комнату. Из неё лился мягкий свет от масляной лампы. Стараясь не скрипеть половицей, я прокралась к двери и осторожно заглянула внутрь. Моему вниманию предстал небольшой кабинет, просто обставленный и удивительно уютный. За круглым дубовым столом спиной ко мне сидел, сгорбившись больше обычного, Крон и что-то строчил. На полу были разбросаны скомканные листы бумаги, видно, неудавшиеся черновики письма. А на столе рядом с лампой в небольшой вазочке стояла ещё не раскрывшаяся ярко-алая роза. Вот уж чего я не ожидала увидеть в комнате тролля, так это цветов... В эту минуту Крон перестал писать, откинулся на спинку стула и критически взглянул на творение своих рук. Что-то недовольно проворчав, он скомкал исписанный лист бумаги и швырнул его за спину. Бумажный шарик с шорохом покатился по полу и соблазнительно остановился у моих ног. Недолго думая, я нагнулась, бесшумно подобрала его и так же на цыпочках вернулась обратно в лавку. Расправив бумажный лист, я аккуратно сложила его и засунула ценную добычу себе за пояс. Потом, демонстративно громко хлопнув входной дверью, я затрезвонила в маленький колокольчик. В дальней комнате началась возня, слышно было, как Крон шуршит бумагой. Лампа погасла, и тролль вышел поприветствовать покупателя. Бросив на меня хмурый взгляд, он выжидательно молчал.

— Доброе утро, Крон, — мило улыбнувшись, я протянула ему два медяка за вчерашнего кролика, который уже, я надеюсь, прыгал далеко-далеко в лесу. — Бабушка просила отложить для неё свежей баранины.

— Послезавтра, — буркнул Крон и взял протянутые мною деньги. — Сегодня и завтра уже ничего не будет.

— Знаю-знаю, — дружелюбно сказала я, — всё пойдёт во дворец. Видно, они там собираются устроить пир горой.

Я пыталась завязать светский разговор, но Крон лишь пожал плечами и нетерпеливо скосил на меня глаза, словно вопрошая: «Ну что тебе ещё надобно?» Однако от меня так просто не отделаешься.

— На мой взгляд, это даже неприлично! Ведь после смерти короля прошло всего ничего!

Я сразу почувствовала, как тролль напрягся.

— Я так считаю, — вдохновенно продолжала я, — когда близкий человек умирает при таких подозрительных обстоятельствах, о гостях и празднествах надо думать в последнюю очередь.

Крон не спускал с меня тяжёлого взгляда.

— Подозрительных обстоятельствах? — медленно переспросил он.

— Ну конечно!

— Что же в смерти короля подозрительного? — напряжение уже прямо-таки разливалось в воздухе.

— Внезапность! — я смотрела на него в упор.

Троль отвёл глаза. Открыв маленькую баночку, он бросил в неё мои медяки, закрыл и поставил её на верхнюю полку.

— У него просто сдало сердце, — хмуро сказал он, — такое даже с коровами случается.

Опять эти коровы! Ладно, пора становиться ведьмой, решила я про себя и, собравшись, устала на Крона.

Главное в этом деле — поймать момент, когда жертва поднимет на тебя свои глаза, и тогда ты цепляешься за них взглядом, и отвести их она уже не может. Такой момент настал через минуту. Крон не выдержал молчания и посмотрел на меня.

Н-да... мне явно предстоит большая работа над собой. Результат был примерно такой же, как и раньше, то есть совсем не то, что я ожидала. Замерев на мгновение, Крон не мигая смотрел на меня. Я же в свою очередь мысленно приказала ему рассказать, что случилось в тот роковой день. Что произошло дальше, до сих пор не укладывается в моей голове. Крон взревел не своим голосом и разразился плачем. Он плакал так громко и так горько, что у меня самой чуть не случился разрыв сердца. Подбежав к нему за прилавок, я попыталась успокоить эту бесформенную глыбу, сотрясаемую рыданиями. В который раз пожалев, что не ношу с собой носового платка, я провела Крона во внутреннюю комнату, быстро засветила лампу и усадила его на жёсткий диванчик в углу. Сама вернулась в лавку и стала рыться по полкам в поисках чистой салфетки. Когда же я вернулась в кабинет с полотенцем в руках, Крон спал сном праведника. Промокнув его мокрые от слёз щёки, я накрыла троля покрывалом и потихоньку вышла из его лачуги.

Очень медленно я доковыляла до любимого валуна, уже изрядно нагретого солнцем. Улёгшись животом на горячий камень, я опустила руку в озеро. Её тут же окружили разноцветные рыбки. Я пыталась понять, что же сейчас произошло. Почему моя попытка заморозить опять себя не оправдала?.. Что я делаю не так? И мне в голову пришла интересная мысль. А что если я каким-то образом пробуждаю самые потаённые желания или потребности?.. Например, у кузнеца могла зародиться однажды бредовая идея сплавить подковки и сделать статую лошади. Но он понимал, что этого никто не поймёт и не одобрит, да и сама мысль могла показаться ему нелепой, а под моим воздействием он решил её реализовать. То же самое могло произойти с певучей девицей и Шарлем. А что произошло с Кроном?.. Быть может, ему давно хотелось выплакаться, но он никогда бы этого не сделал в силу своего непробиваемого характера? А я, возможно, проломила-таки ту невидимую преграду, которая сдерживала его

эмоции?.. И что же это значит? Может, на самом деле он не был тем злобным суровым троллем, каким все его представляли... Ведь я о нём судила лишь по слухам, сплетням и тем коротким встречам, которые мне не удалось избежать. Эх, правы были мудрецы, утверждавшие, что надо строить своё мнение на собственных наблюдениях.

Каковы же мои наблюдения, и что я узнала о тролле? Крон спас Шерстянку. Он был последним, кто видел короля живым. Так, может, он пытался его спасти, а не наоборот?.. У него на столе стояла ваза с прекрасной розой... Почему-то именно эта роза подействовала на меня сильнее всего. Была ли она там просто потому, что тролль оказался ценителем красоты, или же она кому-то предназначалась? А может, ему кто-то её подарил?.. Тот, кому Крон писал письмо... Письмо! Я соскочила с камня и вытащила бумагу из-за пояса. Расправив лист на камне, я с трепетом взгляделась в написанные строки:

«В тот дивный час, в тот день безумный,
Когда тебя увидел я,
Я осознал, как станет трудно,
Как жизнь померкнет... без тебя.

Быть тёплым солнце перестанет,
И блёклым сделается сад,
И превратится в наказание
Всё то, чему я был бы рад.

Я был бы рад, когда б не встретил
Лесную фею сладких снов,
В чьих волосах играет ветер,
И просто не хватает слов,

Чтоб описать мои печали
И радость от того, что мы
С тобой друг друга повстречали,
А быть друг с другом не смогли...»

Самое последнее четверостишие Крон жирно перечеркнул, и его невозможно было разобрать. Но того, что я смогла прочесть, было достаточно, чтобы я глубоко задумалась. Я всё никак не могла поверить, что эти стихи написал тот нескладный и грубый тролль, которого я оставила спать в мясной лавке. Кто же эта лесная фея, что стала для него музой? Трот говорил что-то про кухарку, однако я очень сомневаюсь, что кухарка леди Марсель смогла бы вдохновить кого-либо на подобную рифму. Нет, если Крон излил свою душу

в стихотворной форме, это могло означать лишь одно: ему повстречалась самая настоящая лесная фея! Ни больше ни меньше! А вот кто скрывается под сим обликом, надо будет выяснить...

* * *

Остаток дня я потратила на разгребание добра в нашем сарайчике, решив убедиться в том, что то, что мне снилось сегодня ночью, действительно было сном. Я хотела добраться до угла, где стояло зеркало, чтобы его там не найти. Дело оказалось непростым. Бабушка многие годы стаскивала сюда всё, что не помещалось на кухонных полках, верстаке, чердаке и в кладовке. Поэтому, казалось, мне понадобятся годы, чтобы всё это расчистить.

Уже вечерело, когда я с трудом протиснулась в угол сарая. Зеркала там действительно не оказалось. Зато под наваленными сверху мешками с поношенной одеждой я разглядела краешек старинного сундука. Кое-как сбросив всё лишнее с крышки, я смогла его открыть. Пиратских сокровищ в нём не оказалось, что не сильно меня разочаровало. Я уже выросла из того возраста, когда повсюду мерещатся тайные знаки и в любом клочке бумаги надеешься разглядеть потёртые пунктиры, ведущие к заветному кладу.

Я с интересом стала перебирать вещи в сундуке. Там было несколько женских нарядов, какие-то странные амулеты, книга в очень потрёпанном состоянии и что-то ещё, завернутое в тряпку. Схватив книгу и свёрток, я захлопнула крышку сундука и поспешила выйти из сарая — на сегодня я достаточно наглоталась пыли.

Заметив, что солнце начинает садиться, я решила разобраться со своими находками позже. Побросав их к себе на кровать, я побежала к дому Лукаса.

Пастух со своей матерью жил на самой окраине Северного Королевства. Дальше их двора были только горы. Когда я постучалась к ним, всё вокруг уже погрузилось в густые сумерки, а окна их маленького домика радушно светились. Лукас распахнул дверь, и меня обдало упоительным ароматом свежеиспечённого хлеба. Мать Лукаса София как раз доставала из печи пышный каравай, а на столе дымились аппетитная похлёбка, стоял ковшик со сметаной и плоская тарелка со свежими овощами. В наших королевствах существовала чудесная традиция потчевать гостя всем самым лучшим, даже если гость этот неожиданный и непрощённый. К моей радости, я была желанным гостем в этом доме.

Передав Лукасу кувшин с дикой земляникой, я поприветствовала Софию.

«Неземной красоты...» — это романтическая сказка-детектив для взрослых детей. Тихие безмятежные будни Северного Королевства омрачились внезапным горем — скончался всеми любимый король, и эта беда повлекла за собой череду удивительных и загадочных событий. Размеренная жизнь в лесу с бабушкой порядком поднадоела юной ведьме Глории, и ей трудно было не воспользоваться случаем испытать свои необыкновенные способности на деле. Отчаянно жаждущая головокружительных приключений Глория отмахивается от скучной версии королевского лекаря о естественной смерти короля и пускается на поиски предполагаемого злодея. Однако увлекательная на первый взгляд игра в расследование оборачивается серьёзным испытанием для молодой девушки и её друзей. Является ли безобразный тролль жестоким убийцей, или же под его отталкивающей внешностью скрывается прекрасная душа? А может, восхваляемая всеми неземная красота таит в себе опасность? Глории предстоит распутать клубок сложных интриг и не только разобраться в секретах королевской семьи, но и раскрыть тайну собственного происхождения.

ISBN 978-1-950319-66-4

9 781950 319664